

Премия Агаты Кристи

КУРОРТНОЕ УБИЙСТВО

Жан-Люк БАННАДЕК

Жан-Люк Банналек
Курортное убийство
Серия «Комиссар Жорж Дюпен», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7787457
Курортное убийство: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-084711-2

Аннотация

Окрестности городка Конкарно в Бретани издавна любимы художественной богемой, – еще бы, ведь там когда-то жили и творили великие импрессионисты...

Но на этот раз кто-то использовал искусство совсем иного рода, – искусство убивать и оставаться незамеченным.

Кому же помешал безобидный старичок Пьер-Луи Пеннек, любимец останавливавшихся в его отеле «Сентраль» парижских знаменитостей? И ведь это убийство – лишь первое, за ним следует другое, на первый взгляд – столь же немотивированное...

Вечно недовольный жизнью комиссар Жорж Дюпен, переведенный в «глухую провинциальную дыру» из Парижа, начинает расследование – и скоро понимает: на самом деле, в маленьком бретонском городке кипят такие страсти и царят такие нравы, что и в столице нечасто встретишь подобное...

Содержание

День первый	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Жан-Люк Банналек

Курортное убийство

© Verlag Kuperheuer & Witsch, 2012

© Перевод. А.Н. Анваер, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

«Une mer calme n'a jamais fait un bon marin».

(«Хорошие моряки в тихой гавани не рождаются».)

Бретонская поговорка

Посвящается Л.

День первый

Седьмого июля выдался сказочный летний день, один из тех чудесных атлантических дней, в которые комиссар Дюпен был совершенно счастлив. Повсюду – куда бы ни упал взгляд – простиралась безбрежная синева; воздух, по бретонским меркам, был теплым уже ранним утром и при этом абсолютно прозрачным и чистым. Все предметы приобрели невероятную четкость очертаний. Удивительно, ведь только вчера вечером казалось, что вот-вот наступит конец света – над землей низко нависали тяжелые, иссиня-черные тучи, изрыгавшие потоки дождя, грозившего новым потопом.

Конкарно, чудный «синий город», называвшийся так по цвету голубых рыболовных сетей, в прошлом веке окаймлявших набережную, и сохранивший до сих пор свое название, хотя никаких сетей теперь не было и в помине, сиял в свете солнечных лучей. Комиссар Жорж Дюпен сидел в «Адмирале», в конце стойки бара, как всегда, развернув перед собой газету. Круглые часы над крытым рынком, где каждый день можно было купить рыбу, выловленную ранним утром местными рыбаками, показывали половину восьмого. Старинный, богатый традициями ресторан, на втором этаже которого раньше была еще и гостиница, стоял прямо на набережной, напротив знаменитого Старого города. Крепость, обнесенная мощными стенами и грозными башнями, возвышалась на вытянутом в длину острове, словно нарисованная на фоне большой бухты, в которую впадала неторопливая речка Ле-Моро. С тех пор как Дюпена, два года и семь месяцев назад, в силу «определенных обстоятельств» – как это было названо в официальном приказе – «перевели» из Парижа в самую глухую провинцию (это его-то, который всю свою прежнюю жизнь провел в блистательной столице), он каждый день пил по утрам в «Адмирале» свой *petit café*. Эта привычка превратилась в строгий и неукоснительный ритуал.

Правда, внутреннее убранство «Адмирала» утратило свой былой шарм. Это произошло пару лет назад, когда в заведении сделали дорогой капитальный ремонт и весь ресторан был – по выражению общительного хозяина Поля Жирара – «полностью модернизирован». Теперь почти ничто не напоминало о тех блестящих временах девятнадцатого века, когда здесь останавливались известные художники, а потом и знаменитый Мегрэ. Прямо у входа в ресторан Поль Гоген когда-то устроил отчаянную потасовку из-за того, что грубые моряки оскорбили его юную яванскую подругу. Теперь туристы редко забредали в «Адмирал», предпочитая ему несколько более «идиллические» кафе, обрамлявшие большую площадь. Так что народу в ресторане теперь бывало негусто.

– Еще один кофе и круассан.

Жирар понял комиссара по жесту и мимике, так как тот скорее что-то промямлил, нежели внятно произнес заказ. Это был третий кофе Дюпена.

– Тридцать семь миллионов, вы видели, господин комиссар, тридцать семь миллионов, в нем уже тридцать семь миллионов! – сказал Жирар, включая кофе-машину, которая каждый раз привлекала внимание Дюпена своим архаическим ревом.

Владельцу «Адмирала» было под шестьдесят, он отличался продолговатым лицом, на котором отчетливо выделялись огромные усы, такие же ослепительно седые, как и остатки волос на голове. Жирар был неутомим – он видел и замечал все. Жирар нравился Дюпену, хотя разговаривали они редко и мало. Может быть, поэтому и нравился. Жирар с первого дня принял комиссара приветливо, и главным образом потому, что для бретонца парижанин – единственный настоящий иностранец.

– Черт побери.

Дюпен подумал, что надо сделать еще одну ставку. Гигантский джек-пот, державший в напряжении весь городок, не открывался целую неделю. Дюпен отважно сделал двенадцать ставок и в двух случаях попал в нужный коридор.

– Сегодня уже пятница, господин комиссар.

– Знаю, знаю.

– Надо идти, заглянуть в расположенную поблизости табачную лавку.

– На прошлой неделе ларчик раскрылся к утру в пятницу.

– Да, я знаю.

Дюпен совершенно не выспался – как, впрочем, все последние недели – и тщетно пытался сосредоточиться на газете. В июне в северной части департамента Финистер было всего жалких 62 процента солнечных часов, тогда как в среднем их должно быть не меньше 145. В южном Финистере солнечных часов было немного больше – 70 процентов, а в расположенном рядом Морбиане – всего-то в паре километров – целых 82 процента. Это была передовая статья в газете «Запад Франции» («Уэст-Франс»). Такая экзотическая погодная статистика была коньком газеты – да, собственно, всех бретонских газет и всех бретонцев. «Уже несколько десятилетий – такова была драматическая квинтэссенция – не было у нас такого холодного и пасмурного июня». Статья заканчивалась так, как она и должна была закончиться: «Вот так: в Бретани хорошая погода – целых пять раз в день». Такая вот патриотическая мантра. Но только бретонцы имеют право ругать свою погоду или смеяться над ней. Если это делали чужаки, то местные патриоты считали такое поведение верхом невежливости. Впрочем, как заметил Дюпен за почти три года жизни в Конкарно, это касалось всего бретонского.

Мобильный телефон зазвонил так неожиданно, что заставил Дюпена вздрогнуть. Как он ненавидел эти звонки. На дисплее высветился номер Кадега, одного из двух инспекторов. Настроение у Дюпена сразу испортилось. Пусть звонит. Зачем брать трубку, если они через полчаса увидятся в комиссариате? Дюпен находил Кадега малодушным, невыносимо старательным, до тошноты самоотверженным коренастым коротышкой с круглым детским личиком и оттопыренными ушами. К тому же Кадег, которому было немного за тридцать, был наполовину лысым, и эта лысина, по мнению Дюпена, совсем его не красила, хотя сам Кадег считал себя неотразимым красавцем. Его прикрепили к Дюпену с самого начала, и с тех пор комиссар не мог придумать, как ему избавиться от настырного инспектора. Но все попытки увильнуть от разговора оказались тщетными.

Телефон зазвонил еще и еще раз. Дюпен встревожился.

– Да?

– Господин комиссар, это вы?

– Кого еще вы рассчитывали услышать по моему телефону? – недовольно рявкнул Дюпен.

– Только что звонил префект Локмарьякер. Вам придется его представлять сегодня вечером в комитете дружбы с канадским городом Стейтен-Стаудом.

От вкрадчивой интонации сладкого голоса Кадега Дюпена передернуло.

– Как вам известно, – продолжал Кадег, – префект Локмарьякер является почетным председателем нашего комитета. Сегодня вечером официальная делегация, которая уже неделю находится во Франции, примет участие в выставке бретонских товаров на пляже в Трегенке. Префект по служебным делам должен сегодня быть в Бресте и просит вас от его имени поприветствовать делегацию и ее главу, доктора де ла Круа. Трегенк – это наша территория.

– Что?

Дюпен не имел ни малейшего представления, о чем говорил Кадег.

– Стейтен-Стауд – это побратим Конкарно, находится недалеко от Монреаля. У нашего префекта там дальние родственники, которые...

– Сейчас без четверти восемь, Кадег. Я завтракаю.

– Для префекта это очень важно, и он позвонил исключительно поэтому. Он просил меня незамедлительно проинформировать вас.

– Проинформировать?

Дюпен отключился. У него не было ни малейшего желания заниматься этим делом. Слава Богу, что он слишком устал для того, чтобы по-настоящему разозлиться. Дюпен не выносил этого Локмарьякера, не говоря уже о том, что он до сих пор точно не знал, как правильно произнести эту фамилию. Впрочем, это касалось не только префекта, но и многих бретонцев, и, учитывая профессию Дюпена, которому приходилось много общаться с людьми, их имена часто ставили его в неловкое положение.

Дюпен снова развернул газету. «Уэст-Франс» и «Телеграмм» – это были две самые большие местные газеты, отдававшие время от времени дань трепетной гордости бретонцев. После одной страницы краткого обзора международных и французских новостей следовали тридцать страниц региональных и местных, подчас очень местных, сообщений. Комиссару Дюпену нравились обе эти газеты. После своего перевода он поначалу почти против воли приступил к основательному изучению бретонской души. Помимо встреч с людьми, больше всего комиссар узнавал об этой душе из неприметных, казалось бы, мелких газетных сообщений. Эти истории повествовали о жизни на Краю Земли, на «finis terrae» – как называли римляне этот изрезанный заливами и бухтами полуостров, выдававшийся в бушующую Атлантику, и как до сих пор называется этот департамент Франции.

Снова зазвонил телефон – опять этот несносный Кадег! Дюпен почувствовал, как, несмотря на утомление, в нем закипает ярость.

– Я не могу сегодня вечером участвовать ни в каких мероприятиях, у меня дела по службе. Пошлите туда Локкарма и сообщите об этом префекту.

– Произошло убийство, господин комиссар.

Голос Кадега звучал ровно, без льстивых интонаций.

– Что?

– В Понт-Авене, господин комиссар. Убит Пьер-Луи Пеннек, владелец отеля «Сентраль». Он был несколько минут назад найден мертвым в ресторане своего отеля. Об этом уже оповестили полицию в Понт-Авене.

– Вы не шутите, Кадег?

– Наши коллеги из Понт-Авена уже должны быть на месте.

– В Понт-Авене? Убит Пьер-Луи Пеннек?

– Что скажете, господин комиссар?

– Что еще вам известно?

– Только то, что я вам сказал.

– Это действительно убийство?

– Очень похоже на то.

– Причина?

Дюпен страшно пожалел, что этот вопрос успел сорваться с его губ.

– Могу сказать лишь, что звонивший, повар отеля, сообщил об этом дежурному в полицейском участке, а он уже...

– Хорошо, я понял. Но какое отношение к нам имеет это убийство? Понт-Авен находится в районе Кемперле. Там командует Деркап.

– С понедельника комиссар Деркап находится в отпуске. В случае серьезных преступлений заниматься ими будем мы. Поэтому полицейский из Понт-Авена...

– Да, да... Я еду, вы тоже будьте на месте. Да, позвоните Ривалю, я хочу, чтобы и он участвовал в этом деле.

– Риваль уже едет.

– Отлично. Какая ерунда, этого просто не может быть, вот черт!

– Что такое, господин комиссар?

Дюпен не стал отвечать и отключился.

– Мне пора, – сказал он, оглянувшись в сторону Жирара, который внимательно прислушивался к разговору. Дюпен положил на стойку пару монет и вышел из «Адмирала». Машина стояла на парковке, на набережной, в двух шагах от ресторана.

«Какой абсурд, – думал Дюпен, садясь в автомобиль, – это же полнейший абсурд». Убийство в Понт-Авене. Убийство в разгар лета, перед самым началом сезона, который превращает Понт-Авен в музей под открытым небом, как говорили в Конкарно. Этот городок был самым идиллическим местом в округе. Последнее убийство в этой живописной деревне – на вкус Дюпена, слишком живописной, – прославившейся своей колонией художников и в первую очередь благодаря Полю Гогену попавшей во все художественные путеводители мира, произошло в конце девятнадцатого века. С тех пор прошла целая вечность. Мало того, престарелый Пьер-Луи Пеннек – легендарный владелец гостиницы – был живым экспонатом, так же как ныне покойные его отец и, естественно, бабка, основавшая «Сентраль», – Мари-Жанна Пеннек.

Дюпен набрал номер на крохотной клавиатуре автомобильного телефона, который он ненавидел всеми фибрами души.

– Где вы, Нольвенн?

– Собираюсь в комиссариат. Мне только что звонил Кадег. Вы, конечно, хотите, чтобы поехал доктор Лафон?

– Да, и чем скорее, тем лучше.

В Кемпере год назад появился еще один судмедэксперт, которого Дюпен просто не переваривал, – Эвен Савуар, неуклюжий молодой нахал, прекрасно владевший современными методами, но при этом непроходимый тупица и, кроме того, невероятно обстоятельный. Дюпен не мог бы утверждать, что ему очень нравился доктор Лафон – старый ворчун. Временами они едва не ссорились, особенно если Лафону казалось, что Дюпен проявляет излишнюю медлительность. Тогда Лафон начинал ругаться. Но все же надо было признать, что работал он безупречно.

– Савуар выводит меня из себя.

– Я обо всем позабочусь.

Дюпен очень любил эту фразу в устах Нольвенн. Она была секретарем при его предшественнике и при предшественнике предшественника. Она была просто великолепна. Просто первоклассна.

– Я в центре Конкарно, через десять минут буду на месте.

– Господин комиссар, какое ужасное происшествие! Уму непостижимо. Я знала старика Пеннека. Мой муж когда-то, много лет назад, оказал ему пару услуг.

Дюпен успел прикусить язык, но ему очень хотелось поинтересоваться, какого рода были эти услуги. Сейчас у него были дела поважнее. Правда, он так до сих пор и не понял, кем был по профессии муж Нольвенн. Кажется, он был специалистом на все руки. Не было в округе человека, которому он бы не оказал «пару услуг».

– Да, шума будет много. Это же была икона Финистера, Бретани, Франции. Боже мой... Я потом перезвоню.

– Сделайте милость, я уже возле комиссариата.

– До скорого.

Дюпен вел машину быстро, пожалуй, слишком быстро для таких узких улочек. Как же ему не повезло – впервые за десять лет старик Деркап взял отпуск. Его не было уже десять дней – уехал на свадьбу дочери, на Реюньон. Что за идиотская идея? Ведь жених был из такой же сонной дыры – из Каффа, что в трех километрах от Понт-Авена.

Дюпен снова набрал номер на крошечной клавиатуре.

– Риваль?

– Да, господин комиссар.

– Вы уже на месте?

– Да, только что приехал.

– Где лежит труп?

– Внизу, в ресторане.

– Вы там были?

– Нет.

– Никого туда не пускайте. Никто не должен входить туда до моего приезда, в том числе и вы. Кто обнаружил Пеннека?

– Франсина Лажу, служащая отеля.

– Что она рассказала?

– Я еще не успел с ней поговорить. Я действительно только что приехал.

– Хорошо, я сейчас буду.

Лужа крови показалась Дюпену ужасающе огромной. Кровь разлилась по полу, заполнив углубления между плитами. Пьер-Луи Пеннек был высоким, худощавым и жилистым человеком с коротко стриженными седыми волосами. Гордая посадка головы, властное сухое лицо, несмотря на девяносто один год. Труп лежал на спине в довольно причудливой позе – левая рука судорожно сжимала колено, бедро было неестественно вывернуто наружу, правая рука лежала на груди, лицо искажено страшной гримасой, открытые остекленевшие глаза смотрели в потолок. Умер Пеннек от множества ран на груди и на шее.

– Кто-то на совесть отделал Пьера-Луи Пеннека, не пожалел старика. Кто же мог так поступить?

Риваль стоял в двух метрах, за спиной комиссара. В помещении они были одни. Дюпен не мог скрыть охватившего его ужаса. Ему редко приходилось видеть такие жестокие убийства.

– Какая мерзость! – воскликнул он и с силой провел рукой по волосам.

– Вероятно, убили ножом. Но орудия преступления не видно.

– Главное, чтобы было тихо, Риваль.

– Отель охраняют двое наших коллег из Понт-Авена, господин комиссар. Одного из них я знаю – Альбена Боннека. Он давно здесь работает, очень хороший полицейский. Второго зовут Аржваэлиг. Имени его я не знаю, он очень молод и работает совсем недавно.

Дюпен невольно улыбнулся. Риваль и сам был еще молод – около тридцати. Инспектором он стал два года назад – сноровист, надежен, умен. Правда, отличался неторопливостью в поступках и речи. В глазах всегда блестела озорная искорка, что очень нравилось Дюпену. Самое главное, Риваль никогда не суетился.

– Здесь никого не было?

Дюпен задал этот вопрос уже третий раз, но Риваль ответил без малейшего раздражения:

– Никого. Судмедэксперт и криминалист должны быть с минуты на минуту.

Дюпен все понял. Риваль знал, что комиссару хочется побыть здесь в тишине до того, как нагрянет толпа экспертов.

Пеннек лежал вдали от входа, перед стойкой бара. Помещение имело L-образную форму – в длинном зале помещался ресторан, а в коротком плече – бар. Из ресторана узким коридором можно было попасть на кухню, находившуюся в задней пристройке к зданию. Дверь была заперта.

Стулья перед стойкой аккуратно поставлены в ряд. Только один из них был немного сдвинут назад. На стойке стоял один-единственный стакан и бутылка ламбига, бретонской яблочной водки, которой местные жители очень гордились – собственно, как гордились они буквально всем истинно бретонским. Впрочем, Дюпену она тоже нравилась. Стакан был пуст. Не было никаких следов борьбы. В помещении вообще не было видно ничего необычного. Было понятно, что вечером сотрудники ресторана тщательно убрали помещение и аккуратно расставили мебель. Порядок был идеальным во всем ресторане. Столы и стулья расставлены в безукоризненном порядке, столы покрыты цветастыми, в деревенском стиле, скатертями, пол блистал чистотой. Вероятно, ресторан и бар недавно ремонтировали, так как все здесь выглядело новым. Звукоизоляция была просто великолепной, в помещение не проникал ни один звук – ни с улицы, несмотря на три окна, ни из вестибюля, где располагался вход в отель. Окна были наглухо закрыты, Дюпен специально в этом удостоверился.

Безукоризненный порядок и чистота являли собой зловещий контраст с ужасающим видом трупа. На белоснежных стенах висели – как и в каждом общественном месте этого городка – копии картин мастеров, живших в колонии художников в конце девятнадцатого века. Этими копиями можно было полюбоваться в самых крошечных кафе и лавчонках. Казалось, ими был увешан весь Понт-Авен.

Дюпен не спеша прошелся по помещению, хотя и не надеялся обнаружить что-нибудь существенное. Собственно, он ничего и не нашел. Он неловко выудил из кармана маленький красный блокнот и черкнул на странице пару фраз.

Кто-то попытался резко открыть дверь, которую Дюпен запер изнутри. Дверь не поддалась, и снаружи в нее громко постучали. Дюпен хотел было проигнорировать стук, но не стал возражать, когда Риваль, вопросительно посмотрев на шефа, направился к входу. Дверь с шумом отворилась, в ресторан ввалился Реглас, а затем раздался голос Кадега:

– Приехал доктор Лафон и криминалисты – Рене Реглас и его люди.

Дюпен тяжело вздохнул. Он постоянно забывал о Регласе, величайшем криминалисте всех времен и народов. Реглас приехал с тремя помощниками, которые стремительно вошли вслед за ним и прошли мимо комиссара. Доктор Лафон вошел последним и сразу направился к трупу. Он мельком взглянул в сторону Дюпена и не слишком вежливо буркнул:

– Bonjour m'sieur.

Реглас решительно повернулся к Кадегу и Ривалю.

– Господа, осмелюсь попросить вас покинуть помещение до тех пор, пока мы не закончим работу. В ресторане сейчас могут находиться только комиссар, доктор Лафон, я и моя команда. Прошу вас, обеспечьте это. Добрый день, господин комиссар, добрый день, господин доктор.

Дюпену стоило большого труда сдерживать раздражение. Он не произнес ни слова. Они с Регласом не испытывали друг к другу ни тени симпатии.

– Доктор Лафон, прошу вас работать осторожно, чтобы не оставить новых следов. Спасибо.

Реглас извлек из чехла огромный фотоаппарат.

– Сейчас мои коллеги начнут проводить дактилоскопию. Лагранж, сюда. Мне нужны возможные отпечатки пальцев со стойки бара, со стакана, с бутылки и с пола вблизи трупа. Работайте методично и не спеша.

Лафон, не говоря ни слова, поставил свою сумку на один из столов рядом со стойкой бара. По его реакции было непонятно, слышал ли он предупреждение Регласа.

Дюпен направился к двери, желая только одного – скорее покинуть помещение. Он молча открыл дверь и вышел.

Тем временем в вестибюле отеля, где находилась стойка регистрации, становилось все более шумно и многолюдно. Несомненно, что слух об убийстве уже облетел и отель, и всю деревню. У стойки, оживленно переговариваясь, стояли несколько постояльцев, а за стойкой комиссар увидел коротко стриженную худошавую женщину с крупным, хорошо очерченным носом, что-то говорившую поставленным голосом взбудораженным гостям. Было видно, что спокойствие дается ей с большим трудом.

– Нет, нет, не волнуйтесь. Мы постараемся все уладить.

Убийство в отеле, в котором люди собирались провести самые лучшие недели лета; Дюпен прекрасно понимал чувства этих людей, но ему от души было жаль и женщину. На носу был пик сезона, и, как сказал Риваль, половина номеров уже были забронированы. Двадцать шесть постояльцев уже прибыли, из них четверо – дети. В большинстве своем – все иностранцы, французы в это время года почти не путешествуют. Понятно, что через неделю ажиотаж стихнет. Тем не менее даже при том, что отель был заполнен лишь наполовину, гости постоянно приходили и уходили, причем не только днем, но и поздно вечером и ночью, поэтому можно было предположить, что кто-то из них что-то знает. Может быть, видел что-нибудь, когда проходил через вестибюль, слышал шум борьбы или призыв о помощи борющегося за свою жизнь Пеннека. Кроме того, ночью в отеле есть персонал. Вообще совершать убийство в таком месте – большой риск.

Риваль спустился по лестнице навстречу шефу и вопросительно посмотрел на него.

– Да, Риваль, да. Я уступил место преступления специалистам.

Риваль хотел было что-то сказать, но передумал. Дюпен отучил его задавать вопросы о своих предположениях и планах. Это было единственное, что не нравилось ему в Ривале – молодой инспектор всегда хотел понять методику расследования Дюпена.

– Где местные полицейские? Холл надо очистить от людей. Мне нужно свободное помещение.

– Их собрал здесь Кадег – хотел начать допрос о событиях прошедшей ночи.

– Мне надо, чтобы входить и выходить из отеля могли только его постояльцы и сотрудники. Вход в отель надо ограничить. Этим займетесь не вы, а кто-то из местных полицейских. Вы сказали, что Пеннека обнаружила сотрудница отеля?

– Да, Франсина Лажу. Она работает здесь уже больше сорока лет. Она сейчас находится наверху, в кафе для завтраков. С ней одна горничная. Женщина сильно потрясена, нам даже пришлось вызвать к ней врача.

– Я хочу с ней побеседовать. – Дюпен помедлил, но потом достал блокнот. – Сейчас 9 часов 5 минут. Кадег звонил мне в 7 часов 47 минут. К тому моменту он был уже оповещен об убийстве коллегами из Понт-Авена, а они, в свою очередь, узнали об убийстве от сотрудников отеля. Мадам Лажу обнаружила тело убитого Пеннека в семь тридцать. Прошло уже без малого два часа, а мы до сих пор толком ничего не знаем.

Риваль был поражен тем, что комиссар провел такой подробный хронометраж, хотя Дюпен славился своей способностью все записывать.

– У Пьера-Луи Пеннека есть сын, Луак. Есть у него и брат, сводный брат. Он живет в Тулоне. Родственники скоро будут оповещены, господин комиссар.

– Вы говорите, сын? Где он живет?

– Здесь, в Понт-Авене, недалеко от гавани, с женой Катрин. Детей у них нет.

– Я тотчас отправлюсь к нему – сразу после разговора с мадам Лажу.

Риваль понимал, что возражать бесполезно. Когда комиссар начинал работать всерьез, ему нельзя было мешать, а комиссар сейчас работал всерьез.

– Я дам вам точный адрес Луака Пеннека, а также номер телефона его сводного брата. Он известный здесь, на юге, политик – Андре Пеннек. Уже двадцать лет заседает в парламенте от консервативной партии.

– Он сейчас здесь? Я имею в виду здесь, в регионе?

– Нет, насколько нам известно, нет.

– Хорошо, я позвоню ему позже. Есть другие члены семьи?

– Нет.

– Пусть Реглас все расскажет вам, когда закончит, а Лафона попросите позвонить мне, даже если он начнет говорить, что ему нечего рассказывать до составления полного протокола.

– Хорошо.

– Да, и мне надо поговорить с Деркапом. Пусть кто-нибудь сейчас попытается до него дозвониться.

Деркап знал Понт-Авен как свои пять пальцев. Его знания могли оказаться полезными, и вообще это был – по совести – его случай.

– Думаю, что Боннек уже связывается с ним.

– Чем занимается сын? Он тоже работает в отеле?

– Нет, нет. Кадег узнал, что у него маленькая фирма.

– Что за фирма?

– Она производит мед.

– Мед?

– Да, морской мед. Ульи ставят – самое дальнее – в двадцати пяти метрах от берега. Говорят, что это самый лучший в мире мед...

– Очень хорошо. Так вот, надо выяснить самое главное, Риваль: я хочу знать – причем как можно точнее, – чем занимался месье Пеннек последние дни и недели. День за днем. Мне надо знать все его дела, даже самые обыденные. Соберите сведения о его пристрастиях и привычках.

Один из постояльцев у стойки вдруг сорвался на крик.

– Мы хотим получить назад свои деньги! Этого мы не потерпим! – кричал низенький, очень неприятный и неопрятный человек.

Его преданно поддерживала жена:

– Мы сейчас же съедем отсюда – да, да, именно так мы и поступим.

– Думаю, что сейчас вы никуда не съедете, месье. Сейчас никто отсюда не съедет.

Человечек стремительно обернулся, готовый еще что-то потребовать, но комиссар опередил его:

– Комиссар Дюпен, комиссариат полиции Конкарно. Вы останетесь здесь, как и все остальные гости, для дачи показаний в ходе полицейского расследования.

Дюпен произнес все это очень тихо, нажимая на шипящие. Эта вкрадчивость вкупе с внушительным телосложением произвела необходимое впечатление. Маленький человечек опасно отступил на несколько шагов.

– Инспектор Риваль, – повысив голос, официальным тоном заговорил Дюпен, – пусть полицейские допросят месье... – он вопросительно взглянул на низенького человечка, который тихо произнес «Гальвани», – месье Гальвани и его супругу о событиях прошлой ночи. Анкетные данные зафиксировать, документы проверить.

Дюпен был рослым мужчиной с широченными плечами. Злые языки поговаривали, что он похож не на комиссара полиции, а скорее на портового грузчика. Никто, правда, не догадывался, что этот детина способен на стремительные и очень точные движения. Но на комиссара он и в самом деле был не похож – в своих вечно потертых джинсах и футболках. Дюпен умело пользовался раздражением, которое вызывал у некоторых людей.

Месье Гальвани пробормотал что-то совершенно нечленораздельное и, ища защиты, обернулся к жене, которая была выше его на целую голову. Дюпен отвернулся от них и заметил, как ему украдкой улыбнулась служащая отеля. Он улыбнулся в ответ. Потом снова повернулся к Ривалю, ожидавшему дальнейших распоряжений.

– Вместе с Кадегом восстановите во всех мельчайших подробностях вчерашний день и вечер. Выясните, что делал Пеннек, где и когда он был, кто видел его последним.

– Это мы уже знаем. Последним, кто его видел живым, был повар.

– Отлично. Кто из сотрудников находится с утра в отеле?

Риваль извлек из кармана и раскрыл маленькую черную записную книжку.

– Мадемуазель Канн и мадемуазель Деноэзалиг, обе молодые горничные, мадам Мендю, которая, если я правильно понял, вскоре станет преемницей мадам Лажу. Она отвечает за подачу завтрака. Мадам Мендю как раз здесь, у стойки.

Риваль повернул голову в сторону стола регистрации.

– Далее, мадам Лажу, повар, Эдуар Главинек, и его помощник.

Дюпен записывал услышанное.

– Повар? В такой ранний час?

– Каждое утро он доставляет сюда провизию с рынка в Кемпере.

– Как зовут помощника повара?

Риваль заглянул в книжку.

– Ронан Бретон.

– Как вы сказали? Его зовут Бретон?

– Бретон.

Дюпен хотел что-то добавить, но промолчал.

– И этот повар был последним, кто видел Пеннека живым?

– Вероятнее всего, во всяком случае, пока.

– Я хочу поговорить с ним после того, как побеседую с мадам Лажу. – С этими словами Дюпен повернулся и начал подниматься по лестнице. Не оборачиваясь, он спросил: – Где она находится, на втором этаже?

– Первая дверь направо.

Дюпен негромко постучал в дверь столовой и вошел, не дождавшись ответа. Франсина Лажу оказалась старше, чем представлял себе комиссар. Женщине было, видимо, далеко за семьдесят, у нее были совершенно седые волосы, маленькое заостренное личико, изборожденное глубокими морщинами. Лажу сидела в дальнем углу комнаты, а рядом с ней находилась пухлая рыжеволосая горничная с полным симпатичным лицом – мадемуазель Канн, которая приветливо и с видимым облегчением улыбнулась комиссару. Мадам Лажу, казалось, вообще не заметила его появления и продолжала сидеть, уставив в пол невидящий взгляд.

Дюпен откашлялся.

– Добрый день, мадам, меня зовут Дюпен. Я – комиссар полиции, и мне поручено вести расследование. Мне сказали, что вы сегодня утром первой обнаружили в ресторане тело убитого Пьера-Луи Пеннека.

В глазах мадам Лажу стояли слезы, тушь с ресниц текла на лицо. Прошло несколько секунд, прежде чем она подняла голову и посмотрела на комиссара.

– Какое ужасное убийство, не правда ли, господин комиссар? Ужасное, хладнокровное, жестокое убийство. Я верно служила господину Пеннеку тридцать семь лет. За это время я не болела ни одного дня, если не считать пары случаев... Как ужасно он умер. Должно быть, убийца орудовал огромным ножом. Надеюсь, вы скоро его найдете.

Мадам Лажу говорила неторопливо, но с чувством, без пауз и с подчеркнутыми интонациями.

– Бедный господин Пеннек, каким чудесным человеком он был. Кто мог так жестоко с ним обойтись? Его все любили, господин комиссар. Все без исключения. Его все ценили, ценили и восхищались им. И надо же было такому случиться, да еще где – в нашем прекрасном Понт-Авене. Ужасно. У нас такой мирный городок. Господи, какая громадная лужа крови. Это нормально, господин комиссар?

Дюпен не знал, что отвечать, но он, конечно, должен был как-то отреагировать на излишняя старой женщины. Он медленно, словно нехотя, извлек блокнот и что-то в нем записал. Возникла пауза. Мадемуазель Канн попыталась незаметно заглянуть в блокнот комиссара.

– Прошу меня извинить, должно быть, вы еще не оправились от пережитого ужаса, и мне очень неловко снова бередить это страшное воспоминание, но все же не могли бы вы сказать, как именно вы обнаружили труп? Была ли дверь в ресторан открыта? Вы были там одни?

Дюпен понимал, что такой расспрос нельзя назвать сочувствующим.

– Я была там одна, совсем одна. Это важно, да? Дверь была закрыта, но не заперта. И это уже было необычно. Да, дело в том, что господин Пеннек всегда запирает дверь ресторана, когда ночью уходит из отеля. Я сразу подумала: что-то не так. Было это, мне кажется, в четверть восьмого. Видите ли, я каждый день готовлю завтрак. Каждый божий день, в течение тридцати семи лет. Я прихожу в отель ежедневно в шесть утра, ровно в шесть, ни минутой позже. Не хватало одной чайной ложечки. Понимаете, когда гостей в отеле мало, мы накрываем завтрак здесь, а в пик сезона, когда гостей становится больше, то в ресторане. Я решила взять недостающую ложку в ресторане. Кстати, ложек мы часто недосчитываемся, и с этим надо что-то делать. Я все время об этом говорю! Надо еще раз напомнить об этом мадам Мендю. В ресторане все было как всегда, если не считать трупа. Бедный господин Пеннек. Вы знаете, почему никто ничего не слышал прошлой ночью? Никто ничего не слышал из-за праздника. Во всей нашей деревне стоял такой невообразимый шум. Здесь всегда так, когда что-то празднуют. Все ведут себя так, словно с цепи срываются. Я до трех часов ночи не могла сомкнуть глаз из-за этих воплей. Да, в ресторан я пришла одна. Увидев труп, я громко закричала, и в ресторан прибежала мадемуазель Канн. Она отвела меня сюда. Она такая добрая душа, господин комиссар. Мне было очень плохо.

– Не замечали ли вы чего-нибудь необычного в последние дни? Вел ли себя господин Пеннек так же, как всегда, или нет? Подумайте, вспомните. Здесь любая мелочь может иметь значение. Вспомните, не показалось ли вам что-нибудь странным – пусть даже какой-нибудь ничтожный пустяк?

– Нет, все было как всегда. В отеле, как обычно, был полный порядок. Господин Пеннек придавал этому большое значение.

– Значит, вы ничего не заметили.

Мадам Лажу возмущенно взмахнула рукой.

– Нет, ничего. Мы здесь уже переговорили между собой – мы, сотрудники отеля, которые были здесь с раннего утра. Нет, никто не заметил ничего особенного.

– В самых общих чертах, мадам Лажу, – как вы сами думаете, что здесь могло произойти?

– Господин комиссар!

Старуха буквально вспыхнула от негодования.

– Вы так спрашиваете, как будто здесь происходит что-то преступное.

Дюпена так и подмывало заметить, что убийство вполне можно считать чем-то преступным, но он счел за благо сменить тему.

– Из всех сотрудников отеля вы дольше других работали с господином Пеннеком?

– О да!

– В таком случае вы должны были и знать его лучше, чем другие.

– Естественно, господин комиссар. Такой дом, как этот, не просто дом, это реликвия, управление им – это служение, мандат, как выражался господин Пеннек.

– Не бросилось ли вам в глаза что-нибудь необычное, когда вы сегодня утром вошли в ресторан – ну, если не считать мертвого тела?

– Нет. Видите ли, сезон уже начался. Все сильно устают, так как работы намного прибавилось.

Внезапно мадам Лажу помрачнела и заговорила тихим, сдавленным голосом, делая между словами длинные паузы:

– Понимаете, по городку ходят слухи... люди говорят, что между мной и господином Пеннеком был роман – после трагической гибели его жены. Это был несчастный случай на море. Не верьте этим бесстыдным слухам, господин комиссар. Это бессовестная, наглая ложь. Господин Пеннек никогда бы так не поступил. Он продолжал любить свою жену и после смерти и до конца сохранял ей верность. Все это время... Люди сплетничали потому только, что мы всегда были рядом. Но отношения наши всегда были чисто дружескими. Знаете, у людей иногда сильно разыгрывается фантазия.

Дюпен почувствовал себя беспомощным.

– Конечно, мадам Лажу, конечно, – пробормотал он.

Возникла неловкая пауза.

– Что это было за несчастье? Я имею в виду гибель жены господина Пеннека.

Дюпен задал этот вопрос без какой-либо определенной цели.

– Все случилось как гром с ясного неба. Во время шторма Дарис Пеннек упала за борт лодки. Это случилось в сумерках. Здесь, знаете ли, никто не пользуется спасательными поясами. Они плыли от островов Гленан. Вы знаете этот архипелаг? Наверное, нет, вы же, как говорят, приехали сюда недавно. Это очень красивое место, как на Средиземном море. Некоторые даже говорят, что как на Карибском море. Такой же белоснежный песок на пляжах.

Дюпен хотел было сказать, что он знает об архипелаге Гленан, так как живет здесь уже без малого три года, но для бретонцев всякий, кто не происходит из семьи, живущей здесь на протяжении нескольких поколений, считается «недавно приехавшим». Он давно с этим смирился и решил не протестовать.

– Знаете, штормы здесь налетают всегда неожиданно. Жена господина Пеннека сразу пропала из виду. Он искал ее до утра. Это было давно – двадцать лет назад. Ей было тогда пятьдесят восемь лет. Бедный Пеннек. Он падал без сил от усталости, когда утром пришел в гавань.

Дюпен решил не углубляться в эту тему.

– А вы? – Дюпен без всякого перехода обратился к мадемуазель Канн, проигнорировав возмущенный взгляд мадам Лажу. – Вы не заметили чего-то необычного сегодня, вчера, вообще в последние дни? Может быть, какую-нибудь мелочь?

Горничная была сильно удивлена таким неожиданным обращением, в глазах ее промелькнул страх.

– Я? Нет, я ничего не заметила, у меня очень много дел.

– Вы не знаете, кто сегодня утром, кроме вас и мадам Лажу, заходил в ресторан?

– Никто, потому что я сразу заперла дверь.

Дюпен сделал очередную запись в блокноте.

– Очень хорошо. Когда вы обе в последний раз видели господина Пеннека? – После короткой паузы он добавил: – Я имею в виду – видели живым.

– Вчера я ушла из отеля в половине восьмого, – ответила мадам Лажу. – Я всегда ухожу в половине восьмого, то есть последние десять лет. До этого я задерживалась на работе